

УДК 80
ГРНТИ 17.09.91

В.Б. Петров
УГЛТУ, Екатеринбург

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Рассматриваются историко-философские основания аксиологического подхода к изучению литературных явлений. Художественная аксиология в качестве ключевого звена литературоведческого исследования позволяет не только выявить внутренние закономерности той или иной писательской индивидуальности, оценить его роль и значение в истории культуры, но и опосредованно отразить основные тенденции социального развития.

Ключевые слова: ценности, художественная аксиология, литература, философия, литературный процесс, творческая индивидуальность.

В конце XX в. литературоведение закономерно пришло к «концептуально-философскому» осмыслению литературного процесса. Одной из первых обратила внимание на эту закономерность И.Л. Галинская, по мнению которой успехи современного литературоведения «оправданно связываются в последнее время с плодотворным изучением философских аспектов художественных произведений» [1, с. 5]. Еще более остро эта проблема была поставлена в статье В. Куницына и В. Лекторского, которые считали, что «великая традиция русской культуры» состоит «в неразрывном союзе философии и литературы», нарушение которого «пагубно сказывается как на развитии философии, так и на качестве литературы» [2, с. 3]. Тем более справедливой представляется суждение В. Агеносова о том, что талантливые русские писатели «по сути, создавали глобальные художественно-философские системы...» [3, с. 12]. Достаточно вспомнить Ф. Достоевского и Л. Толстого, А. Платонова и Л. Леонова, Вл. Соловьева и М. Булгакова. Растворенная в сюжетах и конфликтах, в мотивах и образах система ценностей художников является тем нравственно-эстетическим ориентиром, который дает возможность увидеть их творческие искания во всей многогранности и полноте. В этом случае справедливо говорить о художественной аксиологии, под которой мы понимаем не просто систему ценностей, но опосредованное отражение этико-эстетических представлений писателя в художественном творчестве (по аналогии с понятием «художественный мир»).

Ценностные ориентиры являют собой специфическое средство управления творческим процессом. «Художественному чувству непосредственно открывается в форму ощутительной красоты то совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга» [4, с. 287].

Аксиология как наука в своих составляющих (этике, эстетике, гносеологии) складывалась на протяжении тысячелетий. В истории следует выделить два подхода к пониманию природы ценностей, которые условно можно обозначить как объективный и субъективный. В классической метафизике в соответствии с ее методологическими установками (дихотомия субъекта и объекта, сущности и явления) ценности рассматривались как объективные сущности, выражающие собой предельную степень совершенства и служащие предметом и целью человеческих стремлений, однако существующие независимо от них. Такова идея Блага в объективном идеализме Платона; понятия Истины, Добра и Красоты в этическом рационализме Сократа; Абсолютная Истина в панлогизме Гегеля. Онтологические и аксиологические аспекты здесь еще не были расчленены, поэтому бытие и ценность выступали как феномены тождественные. Так, платоновские идеи – это не только мир истинно сущего бытия, но и высшая ценность. То же самое можно сказать о религиозных ценностях: например, христианский Бог воплощает одновременно истину бытия и высшую ценность.

Взаимосвязь этического и эстетического подчеркивал Аристотель, для которого прекрасное – это все то, «что, будучи желательно само по себе, заслуживает еще похвалы, или что, будучи благом, приятно потому, что оно благо» [5, с. 43]. В то же время Аристотель предпринимает попытку развести категории нравственного и эстетического: «благое и прекрасное не одно и то же (первое всегда в действии, прекрасное же – в неподвижном...)» [6, с. 326]. В Средние века нравственное и эстетическое рассматривались как проявления единосущного бога. Причем эстетическое сводилось к религиозно-этическому. В эпоху Возрождения тоже подчеркивалась связь прекрасного и нравственного (М. Монтень). Философы Нового времени (И. Кант) считают, что в искусстве идеал человека «состоит в выражении нравственного» и что «прекрасное есть символ нравственно доброго» [7, с. 240, 375]. Вместе с тем И. Кант (вслед за Аристотелем) уже разграничивает Добро и Красоту на основе принципа целесообразности (красота – целесообразность формальная, добро – целесообразность внутренняя).

Исходным пунктом развития аксиологии как науки «послужило кантовское противопоставление теоретического и практического разума», «признание автономии и примата практического разума по отношению к теоретическому» [8, с. 30]. И. Кант обратил внимание на естественную связь аксиологии и культуры и первым в истории философии использовал понятие ценности, «сделав «моральный закон в нас» условием сохранения интеллектуальной честности» [9, с. 214]. По мнению И. Канта, «общественная ценность человека» и составляет основу культуры [10, с. 11]. Для И. Канта сферы свободы как нравственного творчества человека и необходимости как природных закономерностей неизбежно противостоят друг другу. При этом ценности, с его точки зрения, представляют собой предъявляемые к воле действующего субъекта специфические требования, наиболее общие из которых имеют априорный, трансцендентальный характер.

Неокантианская философия (Р. Лотце, В. Виндельбанд, К. Риккерт, Ф. Шеллинг) колебалась в интерпретации природы ценностей между «априористическим трансцендентализмом» И. Канта и трансцендентализмом философских учений платоновско-неоплатоновского толка. Эти колебания до некоторой степени оказались свойственны многим представителям философии русского космизма (Н. Федоров, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков). Немецкие философы Макс Шелер и Николай Гартман попытались доказать объективную природу самих ценностей.

Создание и разработка Э. Гуссерлем концепции интенциональности позволило определить роль человеческого сознания (а значит, и оценки) в восприятии явлений. В результате в понятии бытия философы стали выделять два элемента: реальность и ценность, благодаря чему аксиология получила права гражданства в качестве самостоятельной области исследования.

Нигилистическое суждение Ф. Ницше («Бог умер») обозначило новую грань рассмотрения проблемы ценностей, когда общезначимые для европейской культуры ценности перестали быть духовным ориентиром в человеческой деятельности. Вслед за А. Шопенгауэром Ф. Ницше провозглашает мнимость высших ценностей надприродного мира. Избрав позицию по ту сторону добра и зла, философ в действительности лишь по-своему оценивает каждую из категорий. Ценности в концепции Ф. Ницше – это отсутствие ограничений свободе воли индивида, хотя основной ценностью для него становится воля к власти.

Термин «аксиология», обозначающий науку о ценностях, был введен в научный оборот сравнительно недавно (1902, П. Лапи), после чего стал активно использоваться в зарубежной философии, психологии, социологии, а затем и других науках. Как справедливо отмечает М. Бахтин, «ни один культурный творческий акт не имеет дела с совершенно индифферентной к ценности материей, но всегда с чем-то уже оцененным и как-то упорядоченным, по отношению к чему он должен занять теперь свою ценностную позицию» [11, с. 44]. В каждой из сфер человеческого существования можно выделить свою высшую онтологическую ценность: в бытии – Жизнь, в религии (вере) – Бога (Абсолют), в нравственности – Добро, в гносеологии – Истину, в искусстве – Красоту, в политике – Мир, в экономике – Пользу и т. д. И хотя древние мыслители уже выделили ценностное триединство (добро, истина, красота), каждая из последующих эпох по своему определяла доминирующий элемент этой триады.

По мнению Вл. Соловьева, эти абсолютные ценности соответствуют ипостасям Святой Троицы, которые в его философии предстают как Дух (субъект и носитель Блага), Разум (субъект и носитель Истины) и Душа (субъект и носитель Красоты). «Благо, истина и красота, – писал Вл. Соловьев, – суть различные образы и виды единства, под которыми для абсолютного является его содержание» [12, с. 103].

Объективным онтологическим противоречием является то, что аксиология, хотя и предполагает императивное решение, всегда дуалистична: идеальное нуждается в существовании антиномичной ценностной пары: добро – зло, красота – уродство, истина – ложь, Бог – дьявол и т. д. На шкале совершенства всегда присутствуют верхний (эталонный, идеальный, недостижимый) и нижний (минимальная граница приемлемого) пределы. Интервал между верхним и нижним пределами представляет собой область функционирования ценностной ориентации.

Особенностью ценностных отношений является то, что в них скрыто преодоление соответствующих антиценностей. Так, прекрасное – это победа над безобразным, человеческая жизнь – над смертью. Ценность жизни – в ее неповторимости, уникальности и... «конечности». При этом смерть, как нечто абсолютно чуждое жизни, является ее условием. А зло соответственно каузально добру. В то же время, по мнению Н. Лосского, «важнейшая задача аксиологии состоит в установлении абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны» [13, с. 288].

Русская философская мысль на рубеже веков, испытав в пору своего становления значительное влияние немецкой философии, была ориентирована прежде всего на духовные ценности. «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он всем существом ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [14, с. 503]. С точки зрения русской философии «жизнь как наслаждение, власть, богатство, упоенность миром и самим собой есть бессмыслица...» [14, с. 573]. Она приобретает подлинный смысл лишь в том случае, когда все ее проявления, вся мирская деятельность человека подчиняются служению высшим ценностям. И в этом случае рождается ощущение назначенности, предстояния, необходимости служения. Именно отсюда берет начало нравственная тревога лучших представителей российской интеллигенции, задающихся извечными вопросами «как жить?», «что делать?».

В отличие от западной философии, которая по преимуществу теоретична и абстрактна, русская философия в своей основе «практична», она не только связана с жизнью (говоря о высших ценностях, обращается и к ценностям земного бытия: любви, милосердию, добру, преданности и т. п.), но и озабочена вопросом: как соответствовать высокому предназначению человека. Вопиющие пороки и несовершенства российской действительности на рубеже XIX–XX вв. требовали реальных усилий по их искоренению. Отсюда и часто вменяемый в вину русскому самосознанию максимализм. Тяготение к абсолюту, бескомпромиссность – следствие ощущения невозможности вынести медленное, постепенное преобразование общественной жизни.

Если поиски смысла человеческой жизни привели западную философию к осознанию экзистенциального одиночества и заброшенности человеческого существования (просматриваются интенции субъективизма и индивидуализма), то русская философская мысль, базирующаяся на характерном для русской ментальности стремлении к всеобщей справедливости, разрабатывает идею Всеединства (отдельная личность представляется в рамках соборности). У Н. Бердяева стремление к единению, обозначенное идеей соборности, предстает в виде духовного единства, которое он именуется «соборным единством», возникающим на основе любви. Кстати, именно любовь, по мнению Вл. Соловьева, обеспечивает внутреннее единство «истинной человеческой индивидуальности» [15, с. 27], и в этом смысле «благо, истина и красота являются лишь различными образами любви» [16, с. 103].

Проблема человеческой духовности стала объектом осмысления и в западной философии (феноменология Э. Гуссерля, философия А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера), и в русской философской мысли. Но в отличие от рационалистических западных доктрин, русским философам было свойственно убеждение в существовании высших трансцендентных начал, непостижимым, сакральным образом связанных с отдельной человеческой душой, направляющих, ориентирующих личность в ее реальном, земном существовании. «Духовность в аксиологическом плане обратно пропорциональна степени удовлетворения человека своим наличным бытием. Она вырастает из осознания того, что ценности внешнего предметного мира не могут удовлетворить всех его притязаний и составить смысл его существования, а потому в своем постоянном и неистребимом стремлении превзойти действительность наличного бытия; он интуитивно ориентируется на иные – надприродные духовные ценности, которые составляют необходимую основу и стимул собственно человеческого существования» [17, с. 176].

Несмотря на значимые отличия антропоцентрических учений, русские философы (Н. Федоров, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков) сходятся в одном: именно духовный опыт открывает человеку высшие нравственные ценности, однако наивысшей ценностью мира является сам человек. Так, Н. Бердяев пишет по этому поводу: «Человек – дикий зверь, если он не имеет в себе высших ценностей, не творит их и не подчиняет себя им. Личность только начинается с того момента, когда в ней есть ценное содержание... Личность и ценность – одно» [18, с. 132].

Вместе с тем в учении о личности, по мнению Н.А. Бердяева, «основным является то, что ценность личности предполагает существование сверхличных ценностей», которые «и создают ценность личности» [19, с. 258]. С точки зрения философа, «ценности и в онтологическом плане, и по самому своему содержанию как бы выше индивида: в противном случае они не могли бы быть духовной опорой его бытия» [20, с. 74]. Устанавливая иерархию ценностных категорий, Н. Лосский замечает: «Царство личностей есть область высших абсолютных ценностей... Все остальные абсолютные ценности, нравственное добро, красота, истина, свобода, суть лишь частичные ценности: они имеют смысл только как аспекты жизни личных существ» [21, с. 183].

Итак, в последние десятилетия аксиологический подход к изучению литературных феноменов становится не только основой изуче-

ния феноменологии ценностных систем творческой личности, но и необходимым компонентом осмысления социальных проблем. Историко-философский анализ художественной аксиологии позволяет оценить ее роль в качестве ключевого звена литературоведческого исследования внутренних закономерностей писательской индивидуальности. «Художественное творчество так или иначе причастно к миру ценностей (как эстетических, так и иных). Искусство ориентируется и ориентирует на них (в каждой культурно-исторической ситуации по-своему), постигает и освещает реальность в соотношении с ними». Осмысление ценностных установок отдельных художников дает возможность глубже понять не только их творческие искания, охарактеризовать масштаб их «художественных вселенных», но и основные тенденции социального развития.

Библиографический список

1. Галинская И.Л. Художественно-философские основы и суггестивность литературного произведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 303 с.
2. Куницын В., Лекторский В. Логос и муза // Лит. газ. 1988. № 39.
3. Агеносов В.В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989. 300 с.
4. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990.
5. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978.
6. Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
7. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1966.
8. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1960.
9. Микешина Л.А. Метаморфозы проблемы «когнитивное – ценностное» в философии и методологии науки // Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990.
10. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 191 с.
12. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
13. Лосский Н.О. Ценность и бытие / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. М., 1994.
14. Франк С.Л. Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 483–583.
15. Соловьев В. Смысл любви. Киев: Лыбидь – АСКИ, 1991. 64 с.
16. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.

17. Фомина З.В. Проблема человеческой духовности: онтологический и аксиологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1997. 319 с.

18. Бердяев Н.А. Письма к М.О. Гершензону // Вопр. филос. 1990. № 5.

19. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 382 с.

20. Панфилов О.М. Ценностные отношения: природа и генезис: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1995.

21. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 367 с.

УДК 1 165.212:572.9

ГРНТИ 02.41.41

А.Г. Пудов
ГСХА, Якутск

ВОПРОСЫ РАСШИРЕНИЯ МИФИЧЕСКИ КОНЦИПИРОВАННОГО СОЗНАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В статье рассмотрен процесс естественного расширения мифологического сознания, объясняемый процессом его онтологизации символами метафизического характера. При этом происходит явление трансмиграции символов. Вторичные мифологически конципированные символы этнокультуры обретают метафизический характер, а этнокультура таким образом модернизируется.

Ключевые слова: этнос, этнокультура, символы сознания, трансмиграция, этнокультурная модернизация, мифологическое и метафизическое сознание.

Существуют две основные тенденции продления бытия этнической культуры на северо-востоке РФ. Первая консервативная тенденция культивирует духовно-материальную традицию предков, выстраиваемая на нормативизме религиозно-мифологических представлений либо на сохранении традиционных хозяйственных занятий. Последнее рассматривается как единственная возможность сохранения культуры и традиций коренных малочисленных народов Севера и Арктики – эвенов, эвенков, юкагиров, долган и чукчей. Малочисленные народы ратуют за традиционное природопользование, хотя оно может быть основано на интенсивном использовании технологических новаций, в принципе не изменяющих суть занятия, но привнося